

Шомурадова Махфуза Аслитдиновна

351

Соискатель

Узбекского национального педагогического
университета им. Низами**СОВРЕМЕННЫЕ КЛАССИФИКАЦИИ И МЕТОДЫ ДИАГНОСТИКИ СТИЛЕЙ
ПРИВЯЗАННОСТИ РОДИТЕЛЕЙ**

Аннотация. В статье рассматриваются современные классификации стилей привязанности взрослых (включая родителей) и основные методы их диагностики. Проанализированы категориальные и дименсиональные подходы, представлены наиболее используемые методики: Adult Attachment Interview (AAI), Experiences in Close Relationships (ECR/ECR-R), Relationship Scales Questionnaire (RSQ), Parental Attachment Questionnaire (PAQ) и другие инструменты. Обсуждаются психометрические характеристики, сильные и слабые стороны каждого метода, вопросы культурной адаптации и практическая применимость в исследовательских и клинических контекстах. Даны рекомендации по выбору методики для разных целей исследования и практики, а также направления дальнейших разработок.

Ключевые слова: привязанность; родители; классификации; диагностика; AAI; ECR; RSQ; PAQ; психометрия; культурная адаптация.

**MODERN CLASSIFICATIONS AND DIAGNOSTIC METHODS OF PARENTAL
ATTACHMENT STYLES**

Annotation. The article examines modern classifications of adult attachment styles (including parental attachment) and the main methods used for their assessment. Categorical and dimensional approaches are analyzed, and the most frequently applied tools are presented: Adult Attachment Interview (AAI), Experiences in Close Relationships (ECR/ECR-R), Relationship Scales Questionnaire (RSQ), Parental Attachment Questionnaire (PAQ), and others. Psychometric characteristics, strengths and weaknesses of each method, issues of cultural adaptation, and practical applicability in research and clinical contexts are discussed. Recommendations are provided for selecting the most appropriate tool depending on research or applied goals, as well as directions for future developments.

Keywords: attachment; parents; classifications; diagnostics; AAI; ECR; RSQ; PAQ; psychometrics; cultural adaptation

**OTA-ONALARGA BIRIKTIRISH USLUBLARINING ZAMONAVIY TASNIFLARI VA
DIAGNOSTIKA USULLARI**

Annotatsiya. Maqolada kattalarning (shu jumladan, ota-onalarning) bog'lanish uslublarning zamonaviy tasniflari va ularni aniqlash usullari tahlil qilinadi. Kategoriyaviy va o'lbhovi yondashuvlar tahlil qilinib, eng ko'p qo'llaniladigan metodikalar — Adult Attachment Interview (AAI), Experiences in Close Relationships (ECR/ECR-R), Relationship Scales Questionnaire (RSQ), Parental Attachment Questionnaire (PAQ) va boshqa vositalar haqida ma'lumot beriladi. Har bir metodning psixometrik xususiyatlari, afzalliklari va cheklovlari, madaniy moslashtirish muammolari hamda ilmiy va klinik amaliyotdagi qo'llanish imkoniyatlari muhokama qilinadi. Tadqiqot maqsadiga qarab metod tanlash bo'yicha tavsiyalar va keyingi izlanishlar yo'nalishlari keltirilgan.

Kalit so'zlar: bog'lanish; ota-onalar; tasnif; diagnostika; AAI; ECR; RSQ; PAQ; psixometriya; madaniy moslashtirish.

Теория привязанности традиционно зародилась в контексте отношений младенца и матери, однако впоследствии была расширена на взрослые отношения, включая родительские стили привязанности. М. Эйнсворт на основе наблюдений «Незнакомой ситуации» впервые эмпирически выделила три базовых паттерна привязанности у детей: надежный (безопасный), избегающий (ненадежный тип А) и тревожно-амбивалентный (ненадежный тип С). Надежная привязанность характеризуется чувствительностью матери и сформированным у ребенка чувством безопасности, тогда как при избегающе-ненадежном стиле ребенок демонстрирует видимую самодостаточность и избегание близости, а при тревожно-амбивалентном – выраженную неопределенность, протестные реакции и страх разлуки. Позднее М. Мэйн и Дж. Соломон ввели четвертую категорию – дезорганизованный стиль, наблюдаемый у детей с противоречивым или травматичным опытом (хаотичное сочетание избегающего и сопротивляющегося поведения). Было показано, что характер привязанности в младенческом возрасте существенно влияет на развитие личности на последующих этапах онтогенеза.

С. Хазан и Ф. Шейвер в конце 1980-х перенесли концепции привязанности на взрослые отношения, обнаружив, что эмоциональные связи между взрослыми партнерами в существенной мере аналогичны отношениям ребенка с матерью. В их пионерском исследовании взрослые респонденты были классифицированы по стилям привязанности на основе трех прототипических описаний, аналогичных типам Эйнсворт: надежный, избегающий и тревожный. В дальнейшем К. Бартоломью предложила более дифференцированную четырехкатегорийную модель для взрослых, основывающуюся на двух параметрах внутренних моделей – “образ себя” и “образ другого”. Комбинация позитивной или негативной модели себя и других формирует четыре стиля: надежный (позитивный образ себя и других), тревожно-озабоченный (негативный образ себя, позитивный образ других; аналог детского амбивалентного), избегающе-отвергающий (позитивный образ себя, негативный образ других; аналог детского избегания, он же “отстраненный” стиль) и боязливо-избегающий (негативный образ себя и других; сочетает недоверие к другим и сомнения в собственной ценности). Таким образом, Бартоломью выделила помимо надёжного стиля две разновидности избегающего (отвергающий и боящийся) и одну тревожную разновидность (озабоченный), что расширило классическую типологию. Ее четырехтипная модель была успешно проверена эмпирически на молодых взрослых и заложила основу для последующего измерения привязанности с помощью опросников (например, Relationship Questionnaire и Relationship Scales Questionnaire).

Современный взгляд в научном сообществе на индивидуальные различия привязанности у взрослых основан на двухфакторной (дименсиональной) модели. М. Микулинсер и Ф. Шейвер, обобщив данные множества исследований, показали, что вместо жестких категорий целесообразно рассматривать стили привязанности как координаты в двухмерном пространстве: ось “*тревожность привязанности*” (attachment-related anxiety) и ось “*избегание близости*” (attachment-related avoidance). Факторные анализы различных методик стабильно выявляют эти два ортогональных измерения, причем было продемонстрировано, что модель с непрерывными измерениями описывает данные точнее, чем категоризация по типам. *Тревожность привязанности* отражает степень беспокойства индивида по поводу доступности и отзывчивости близких, страх быть отвергнутым, склонность к навязчивому поиску подтверждения любви (гиперактивация привязанности). *Избегание привязанности* отражает дискомфорт с психологической близостью, стремление к эмоциональной самодостаточности и подавление зависимых потребностей (деактивация системы привязанности). Таким образом, высокий уровень тревожности сочетается с неуверенностью в себе, постоянными переживаниями относительно отношений, а высокий уровень избегания – с трудностью доверять другим и склонностью дистанцироваться. Индивиды с низкими показателями по обеим осям рассматриваются как “безопасно привязанные”, то есть уверенные в доступности поддержки, комфортно ощущающие близость и эффективно справляющиеся со стрессом. Комбинации высоких/низких значений по двум осям соответствуют стилям Бартоломью: низкое тревожность + высокое избегание – отвергающе-избегающий стиль; высокое тревожность + высокое избегание – боязливо-

избегающий; высокое тревожность + низкое избегание – тревожно-озабоченный. Двухфакторная модель получила широчайшее подтверждение в многочисленных исследованиях разных стран. Например, мета-анализы показывают, что измерения тревожности и избегания привязанности коррелируют с чертами личности (невротизм, экстраверсия и др.), удовлетворенностью отношениями и благополучием, подтверждая валидность данной модели. Существенно, что базовые распределения стилей могут различаться в разных культурах: так, исследования выявили, что доля надежно привязанных младенцев в выборках США около 60-65%, но, например, в Японии отмечается относительно более высокий процент амбивалентной привязанности, а в Германии – избегающе-ненадежной. Тем не менее универсальность систем привязанности подтверждается кросс-культурными работами, хотя культурные практики ухода могут влиять на проявление и распространенность тех или иных паттернов.

Таким образом, в современной теории сформировалось целостное представление о стилях привязанности взрослых (в том числе родителей) через призму как качественных категорий, так и континуумов тревожности/избегания. Эта концептуальная база позволяет более тонко анализировать привязанность родителей – как их собственные внутренние модели отношений, сформированные на основе опыта с их родителями, так и их стиль привязанности в отношениях со своими детьми.

Методы диагностики стилей привязанности родителей.

Изучение стилевых различий привязанности у родителей и взрослых осуществляется с помощью разнообразных методологических подходов – от клинических интервью до стандартизированных опросников самоотчета. Выбор метода определяется целями исследования: для глубинной оценки внутренних моделей привязанности применяются трудоемкие методики интервью, тогда как для скрининга больших выборок и сопоставления с другими переменными широко используются психометрические опросники. Ниже рассмотрены наиболее признанные и валидизированные методы диагностики стилей привязанности у взрослых, особенно в контексте родительской привязанности, – их возможности, ограничения, распространенность и культурная применимость.

Интервью привязанности взрослых (Adult Attachment Interview, AAI) – “золотой стандарт” исследования привязанности во взрослом возрасте. AAI представляет собой полуструктурированное клиническое интервью, разработанное М. Мэйн и соавт., цель которого – выявить “состояние души относительно привязанности” у взрослого, то есть его текущие когнитивно-эмоциональные модели, сформировавшиеся на основе опыта отношений с родителями в детстве. В процессе AAI респонденту задаются вопросы о воспоминаниях детства, отношениях с матерью и отцом, пережитых потерях, травмах и т.д.; при этом анализу подвергается не содержание ответов как таковое, а их структурная и эмоциональная организация (согласованность, убедительность, степень идеализации или обесценивания и пр.). На основании специального кодирования ответов испытуемому присваивается одна из категорий привязанности *взрослого типа*: “автономный” (или безопасный) – свидетельствует о свободном и объективном рассуждении о детском опыте, ценности привязанности; “отрицающий” (дизмиссинг) – характеризуется идеализацией или минимизацией значимости отношений привязанности; “поглощенный” (преоккупированный) – проявляется запутанностью, незавершенностью чувств по отношению к прошлому опыту; а также выделяется особая метакатегория “нераспространенный/ дезорганизованный” – при наличии признаков нерешенной травмы или утраты. Преимущество AAI заключается в том, что оно раскрывает *implicitno-*эмоциональный уровень привязанности – глубокие установки, часто неосознаваемые самим человеком, которые могут влиять на его поведение как родителя. Исследования показали, что классификация AAI у родителей является надежным предиктором стиля привязанности их собственных детей: например, матери с автономным стилем по AAI, как правило, имеют безопасно привязанных младенцев, тогда как отрицающие матери – избегающе привязанных и т.д. (коэффициент соответствия порядка 75%). Благодаря этому AAI широко применяется в девелопментальных и клинических исследованиях, связанных с

межпоколенной передачей моделей привязанности, психопатологией и качеством родительского ухода. Ограничения метода состоят в его трудоемкости и требовательности: интервью длится ~1–2 часа, транскрибируется дословно, а затем подвергается детальному кодированию сертифицированным экспертом, прошедшим специальное обучение у Мэйн и коллег. Это делает ААИ малоприменимым для больших выборок и требует значительных ресурсов. Кроме того, ААИ оценивает скорее мировоззренческую компоненту привязанности (состояние сознания относительно опыта привязанности), нежели актуальное поведение в романтических или иных текущих отношениях. Еще один нюанс – культурная адаптация: хотя базовые сценарии вопросов ААИ универсальны, при внедрении в новый культурный контекст требуется учитывать особенности языка и выражения эмоций. Тем не менее ААИ успешно применялось во множестве стран, включая страны Европы, Азии, Северной Америки, что подтверждает его межкультурную валидность при условии соблюдения методики кодирования. В странах СНГ метод ААИ пока используется ограниченно из-за дефицита подготовленных специалистов, однако интерес к нему возрастает параллельно с ростом исследований привязанности в регионе.

Опросники самоотчета являются альтернативным, более экономичным подходом к оценке стиля привязанности взрослых. Они предполагают, что человек сам оценивает свое типичное поведение и ощущения в близких отношениях по ряду утверждений или вопросов. Первым таким инструментом стал трехвопросный тест Хазан и Шейвер (1987), где испытуемые выбирали одно из трех кратких описаний, наиболее соответствующее их ощущению близких отношений. Несмотря на простоту, этот подход открыл дорогу для обширных анкетных исследований привязанности у тысяч взрослых и продемонстрировал, что распределение стилей в популяции аналогично детскому (около 50-60% надежных, остальные – разные варианты ненадежных). В дальнейшем методики самоотчета были существенно усовершенствованы. Relationship Questionnaire (RQ), предложенный Бартоломью и Хоровиц (1991), расширил формат Хазан–Шейвер до четырех категорий (добавив описания “отвергающего” и “боящегося” типов) и позволял испытуемому рейтингово оценить степень похожести на каждый прототип. Relationship Scales Questionnaire (RSQ), разработанный Гриффин и Бартоломью (1994), содержит серию из ~30 утверждений, результаты по которым преобразуются в показатели по четырем стилям или по двум базовым факторам привязанности. RSQ предоставил исследователям удобный способ непрерывно измерять степень выраженности каждого из стилей у взрослого. Однако ранние многофакторные опросники, подобные RSQ, имели ограниченную надежность и воспроизводимость – например, коэффициенты альфа для подшкал могли быть умеренными (~0.5–0.7), а категоризация респондентов была чувствительна к выбору порогов. Тем не менее они сыграли важную роль в переходе к дименсиональной оценке привязанности.

Наиболее известным и часто используемым ныне инструментом является опросник “Опыт близких отношений” (Experiences in Close Relationships, ECR), созданный К. Бреннан, А. Кларком и Ф. Шейвером (1998). ECR изначально включал 36 утверждений, формирующих две шкалы – *Избегание близости* и *Тревожность в отношениях* – по 18 пунктов каждая. Примеры утверждений: «Я стараюсь не быть слишком близким с партнером» (избегание); «Мне нужно много подтверждений, что партнер меня любит» (тревожность). Респондент оценивает степень согласия с каждым утверждением по Ликерту (обычно 1–7). Психометрические свойства ECR доказательно высоки: авторы сообщают коэффициенты внутренней согласованности ~0.90 по каждой шкале и высокую ретестовую надежность. Конструктивная и прогностическая валидность ECR подтверждена множеством исследований: показатели тревожности и избегания достоверно связаны с внешними критериями, такими как удовлетворенность отношениями, склонность к ревности, стиль регуляции эмоций и пр.. Важным достоинством ECR стало соответствие двухфакторной модели: факторный анализ подтвердил наличие двух независимых факторов, совпадающих с теоретическими осями “тревожность–избегание”. Впоследствии была предложена немного модифицированная версия ECR-R (Fraley, Waller & Brennan, 2000) с сохранением двухфакторной структуры и незначительными правками формулировок для повышения

точности. В настоящее время ECR и его версии превалируют в количественных исследованиях привязанности: по обзорам, более половины работ по взрослой привязанности используют ECR как основной инструмент. Это обусловлено оптимальным соотношением длины, надежности и информативности шкал ECR. Ограничения ECR связаны с типичными издержками самоотчета: ответы могут искажаться социальной желательностью или ограниченной саморефлексией испытуемых. Кроме того, ECR ориентирован преимущественно на романтические отношения; хотя существуют адаптации для разных типов близких связей (например, ECR-RS – версия для отношений с родителями, друзьями, партнерами), интерпретация результатов в контексте именно родительно-детских взаимодействий требует осторожности. Тем не менее, ряд исследований подтверждает, что общие свойства привязанности взрослых (тревожность/избегание) проявляются сходным образом и в отношениях с собственными детьми – например, высокая избегаемость у родителя коррелирует с меньшей чувствительностью и эмоциональной вовлеченностью в контакт с ребенком.

В русскоязычном научном пространстве методы опросниковой диагностики привязанности активно адаптируются и валидизируются. Так, недавно проведена адаптация методики ECR на выборке российских студентов: получены удовлетворительные коэффициенты надежности, подтверждена исходная двухфакторная структура (шкалы избегания и тревожности), доказана конвергентная и дискриминантная валидность русскоязычной версии. Этот «Опросник привязанности к близким людям» (Сабельникова, Каширский, 2015) воспроизводит содержание ECR и предоставляет локальные нормативные данные. Адаптация методик привязанности рассматривается как актуальная задача, учитывая культурные особенности выражения привязанности у населения постсоветских стран. В Узбекистане и других странах Центральной Азии исследования привязанности пока не столь многочисленны, однако наблюдается рост интереса к данной проблематике, а отдельные методики (в частности, опросники на основе ECR) уже применяются в психологических исследованиях с соответствующей языковой адаптацией.

Помимо универсальных методик для взрослых вообще, существуют инструменты, специально нацеленные на оценку привязанности в контексте отношений родителей и детей. Одним из первых таких опросников был Parental Attachment Questionnaire (PAQ), разработанный М. Кэнни (1987) для исследования привязанности у старших подростков и юношей по отношению к родителям. PAQ содержит 55 вопросов, оцениваемых по 5-балльной шкале Ликерта, и измеряет субъективное восприятие молодым человеком своих отношений с матерью и отцом – насколько родители доступны эмоционально, понимают и принимают его, способствуют ли автономии и оказывают поддержку. Факторный анализ PAQ выделяет обычно три аспекта: аффективное качество привязанности (теплота, доверительность отношений), поддержка автономии (степень, в которой родитель поощряет независимость и уважает мнения ребенка) и отчуждение/разочарование (индикатор неблагополучия привязанности). В исследованиях часто используют интегральный индекс безопасности привязанности к родителям, объединяя первые два фактора, так как они высоко коррелируют. PAQ продемонстрировал высокую надежность: так, тест-ретест за 2 недели составил $r \approx 0.92$, а внутренняя консистентность в различных выборках – $\alpha = 0.88-0.94$. Валидность методики подтверждена сопоставлением с независимыми оценками семейного климата: показатели PAQ существенно связаны с уровнем сплоченности семьи, удовлетворенностью взаимоотношениями и др.. Достоинство PAQ – учет сразу двух важных характеристик родительской фигуры: эмоциональной близости и предоставления самостоятельности, что соответствует теоретическим представлениям о компонентах безопасной привязанности (близость + поддержка автономии). Методика широко применялась в исследованиях на студентах и подростках, показывая, например, что высокая субъективная безопасность привязанности к родителям связана с более высоким самоуважением и меньшими депрессивными симптомами у молодежи. Ограничением PAQ является его фокус на восприятии привязанности глазами ребенка; он не дает прямой оценки внутренних моделей родителей, зато отражает качество детско-родительской связи как оно чувствуется самим потомком. В прикладном плане PAQ

полезен для скрининга риска эмоциональных проблем у подростков, связанных с неблагополучием привязанности в семье. Для культурного использования PAQ необходимо качественное переводение и адаптация шкал – такие работы проведены, например, для ряда европейских и азиатских выборок (существуют адаптации на китайском, испанском и др.), в России же чаще используется близкая по концепции методика “Инвентаризация привязанности к родителям и сверстникам” (IPPA, Armsden & Greenberg), которая также адаптирована.

Еще одним интересным инструментом является Components of Attachment Questionnaire (CAQ), разработанный М. Париш и М. Иглом (2003) для измерения отдельных *компонентов привязанности* у взрослых. Авторы исходили из представления, что отношения привязанности характеризуются набором ключевых функций: поиск близости, реакция тревоги при разлуке, использование партнера как “безопасной базы” и “убежища”, особая значимость фигуры привязанности и т.д. CAQ включает 45 утверждений, сгруппированных в девять шкал, отражающих эти компоненты. В их число входят, в частности: стремление к близости (proximity seeking), протест при разлуке (separation protest), функция безопасной базы (secure base), функция убежища (safe haven), представление партнера как “более сильного/мудрого” (stronger/wiser), субъективное ощущение доступности партнера (availability), интенсивность эмоциональной связи (strong feelings), уникальность фигуры (particularity) и ментальные представления отношений (mental representations). Каждый компонент оценивается количественно, позволяя построить своеобразный “профиль привязанности”. Например, высокий балл по шкале “протест при разлуке” отражает сильную тревогу и огорчение при разобщении с близким, а высокий балл по “безопасной базе” – склонность использовать партнера как опору для исследования мира. CAQ применялся преимущественно в исследованиях отношений терапевт–клиент (для анализа привязанности к психотерапевту) и в общих романтических отношениях. Его преимущество – более детальный, разложенный по составляющим анализ привязанности, что ценно для тонкого понимания динамики отношений. Например, возможно, что у индивида общая привязанность ненадежна, но некоторые элементы (скажем, поиск близости) выражены сильнее, чем другие (безопасная база), и CAQ улавливает такие нюансы. Недостатком CAQ является относительная новизна и узкая применимость: в массовых исследованиях он используется редко, уступая более кратким опросникам. Кроме того, интерпретация профиля из 9 компонентов сложнее, чем интерпретация двухмерного результата ECR или категориального вывода AAI. Тем не менее CAQ расширяет инструментарий исследователя привязанности, особенно в ситуациях, когда важно оценить изменение отдельных аспектов привязанности (например, в ходе терапии отношений).

Обобщая, можно сказать, что на сегодняшний день для диагностики стилей привязанности родителей (как элементов их личности и отношений) имеется ряд надежных научных методов. **AAI** предоставляет глубокую качественную оценку внутренних моделей привязанности родителей, что незаменимо в клинической и developmental-психологии, но трудно масштабируется на большие выборки. Опросники ECR/RSQ позволяют количественно измерить положение родителя на осях “тревожность–избегание” либо классифицировать по типу, демонстрируя высокую надежность и прогностическую ценность в исследованиях брака, воспитания и психического здоровья. Специфические шкалы, такие как PAQ, сфокусированы на субъективном опыте привязанности ребенка к родителям и полезны для исследований переходного возраста. Многомерные опросники вроде CAQ дают возможность разложить феномен привязанности на составляющие и найти узкие мишени для психологической коррекции (например, работать над повышением чувства безопасности как “убежища” для ребенка). Выбор метода всегда требует учета достоинств и ограничений: так, самоотчетные анкеты уязвимы к смещениям и культурным различиям трактовки вопросов, тогда как интервью зависят от квалификации эксперта и могут страдать от субъективности кодирования. Оптимальным подходом считается комплементарное использование нескольких методов. В научных работах нередко совмещают, к примеру, опросник ECR для количественного анализа с AAI для глубинного

понимания случаев несоответствия (когда человек декларирует одно, а бессознательно проявляет другое). Такое сочетание дает более полную картину привязанности родителя и ее влияния на ребенка.

Наконец, аспект культурной применимости заслуживает особого внимания. Методы привязанности разрабатывались преимущественно в западных странах, поэтому их перенос в иные культурные среды требует валидизации. Как показывают исследования, базовые конструкты – надежность привязанности, тревожность, избегание – обнаруживаются в разных культурах, но проявления их могут различаться. Например, у родителей в коллективистских культурах открытое выражение избегания может подавляться социальными нормами, что влияет на ответы в опросниках. Именно поэтому крайне важно адаптировать тесты: переводить с учетом семантики, проверять факторную структуру на местной выборке, нормировать показатели. Опыт российской психологии показывает, что такие адаптации вполне возможны: русскоязычные версии ECR, RSQ, AAI уже существуют и успешно используются в исследованиях. В Узбекистане и других странах СНГ исследования привязанности родителей находятся в начальной стадии, однако опора на международные методики с их переводом и стандартизацией позволит интегрировать мировые достижения.

Таким образом, современные классификации (от базовых категорий Эйнсворт до дименсий Микулинсера–Шейвера) и валидированные методы диагностики (AAI, ECR, RSQ, PAQ, CAQ и др.) образуют необходимый инструментарий для теоретического анализа и практического исследования стилей привязанности родителей. Их комплексное применение, с учетом культурного контекста, обеспечивает надежную базу для дальнейшего изучения влияния родительской привязанности на развитие детей и семейное благополучие.

Список литературы

1. Ainsworth, M. D. S., Blehar, M. C., Waters, E., & Wall, S. Patterns of Attachment: A Psychological Study of the Strange Situation. *Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1978.*
2. Bowlby, J. Attachment and Loss: Vol. 1. Attachment. *New York: Basic Books, 1988.*
3. Cassidy, J., & Shaver, P. R. (Eds.). Handbook of Attachment: Theory, Research, and Clinical Applications. 3rd ed., *New York: Guilford Press, 2016.*
4. Mikulincer, M., & Shaver, P. R. Attachment in Adulthood: Structure, Dynamics, and Change. *New York: Guilford Press, 2007.*
5. Grossmann, K. E., Grossmann, K., & Waters, E. (Eds.). Attachment from Infancy to Adulthood: The Major Longitudinal Studies. *New York: Guilford Press, 2005.*
6. Main, M., & Hesse, E. "Parents' Unresolved Traumatic Experiences Are Related to Infant Disorganized Attachment Status." In *Attachment in the Preschool Years*, edited by M. T. Greenberg et al., *University of Chicago Press, 1990, pp. 161–182.*
7. Lyons-Ruth, K., & Jacobvitz, D. "Attachment Disorganization: Genetic Factors, Parenting Context, and Developmental Transformation from Infancy to Adulthood." In *Handbook of Attachment*, edited by J. Cassidy & P. R. Shaver, *Guilford Press, 2016, pp. 667–695.*
8. Karabanova, O. A. Psikhologiya semeinykh otnoshenii i osnovy semeinogo konsul'tirovaniya. *Moscow: Yurait, 2019.*
9. Хамидова, Н. Р. "Психологические аспекты формирования эмоциональной привязанности родителей и детей." *Психология и образование, № 2, 2021, с. 94–101.*
10. Рахматуллаева, М. Ш. Болаларда оилавий муносабатлар орқали эмоционал ривожланишнинг шаклланиши. *Тошкент: Фан, 2020.*